

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-293-307

EDN: NYXCWB

Отменя Вебера: стратегии борьбы с классиком столетие назад и сегодня*

О.В. Кильдюшов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

(e-mail: kildyushov@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена малоисследованной теме — принципиально оспариваемой классике: когда канонические фигуры в истории социальной мысли регулярно оказываются в центре интенсивной дискурсивной борьбы, выходящей за пределы нормальной научной критики. Вначале автор фиксирует амбивалентную рецепцию идейного наследия М. Вебера в качестве базового элемента социологического канона, обусловленную ее крайне фрагментарным характером даже в рамках позитивного восприятия идей классика. Далее в статье схематично реконструируется длительная традиция интеллектуальной борьбы как с Вебером лично, так и с корпусом его идей. Автор выдвигает гипотезу о наличии лакуны в мировом вебероведении, в которое до сих пор эксплицитно не отрефлексирован феномен антивеберизма как значимой интеллектуально-культурной практики, и предлагает аналитическую схему для систематизации перманентных атак на Вебера на разных уровнях (персональном, дискурсивном и институциональном). В рамках первой полемической стратегии, направленной против личности классика, акцент сделан на некогерентности его научно-теоретических взглядов и способа собственной жизнедеятельности. Второй вид программной критики концентрируется на содержательных моментах, пытаясь под видом академической полемики опровергнуть основные положения веберовской социологии как несостоятельной для продуктивной работы в рамках актуальных социологических исследований (как правило, ведущие мотивы такой стратегии лежат вне поля научной дискуссии). Третья антивеберовская стратегия носит открыто политический/мировоззренческий характер и направлена не столько на разоблачение научной ошибочности тезисов великого теоретика, сколько на идеологическое их осуждение, формальный запрет или «отмену» как вредных и опасных для целей того или иного общественного движения. В заключении отмечены отдельные попытки борьбы с Вебером в России — как внутри академического пространства, так и в среде идеологических ангажированных публицистов и интернет-блогеров.

Ключевые слова: классическая социология; Макс Вебер; история идей; история рецепции; вебероведение; борьба за признание; культура отмены; левые интеллектуалы

*© Кильдюшов О.В., 2024

Статья поступила в редакцию 04.02.2024 г. Статья принята к публикации 13.05.2024 г.

Макс Вебер как (бес) спорный классик

Макс Вебер воспринимается широкой академической общественностью как безусловный классик социальной мысли XX века, в целом не достижимый для конкретно-предметной научной критики. Его упоминания в социологических работах обычно сопровождаются такими эпитетами, как основоположник, отец-основатель, корифей дисциплины и т.д. Его имя связано прежде всего с позитивной исследовательской повесткой в общей социологии и смежных дисциплинах — значительные элементы веберовского наследия активно переосмысляются, т.е. принимаются, одобряются и развиваются. В первую очередь это касается тезиса о протестантизме как этико-культурной «родине» капитализма, знаменитой типологии легитимного господства и не менее известного постулата о свободе от ценностных суждений. Для одних исследователей он является автором теории модернизации как «рационализации» (Вебер-1), для других — основоположником оригинальной теории действия под названием «понимающая социология» (Вебер-2), для третьих — классиком экономической социологии (Вебер-3) и т.д. вплоть до более маргинального статуса пионера в области социологии музыки (Вебер-4).

Таким образом, для рецепции наследия Вебера как социологического классика присуща высокая селективность в адаптации его идей, что вполне объяснимо — его труды содержат в себе множество концепций разного уровня, рабочих гипотез и полемических тезисов, структурная и содержательная связь которых далеко не однозначна. Именно с этим связана устоявшаяся оценка веберовского творчества как фрагментарного: считается, что великий «социолог» не сформулировал «систематической» социальной теории, не открыл ни новой предметной области, ни нового социологического «метода», а его исследования в разных областях знания характеризуются «фрагментарностью», согласно К. Ясперсу [18. С. 553–566]. Превращение трудов Вебера в своеобразную междисциплинарную «теоретическую каменоломню» для юристов, историков культуры, религиоведов, политологов и др. легко объясняется отсутствием в них строгой систематики, противоречиями и разным уровнем разработки исследуемых проблем. Несмотря на это (или благодаря), устойчивый интерес к наследию Вебера не просто сохраняется, но и возрастает. Причина — своеобразное веберовское понимание сути и направления развития той цивилизации, что возникла на Западе в Новое время и постепенно стала судьбой всего человечества. Критический, внутренне амбивалентный и в то же время (само-) утверждающийся диагноз эпохи модерна, фрагментированной и непримиримой с самой собой современности, делает фигуру Вебера как социального мыслителя ключевой не только для архивирующей истории людей и идей, но и для самокритического прояснения логики развития современной цивилизации [10. С. 161–162].

Между тем после Второй мировой войны для определенной части читателей, прежде всего из числа левых догматиков, Вебер оказался пророком

тоталитаризма XX века, выступив в качестве теоретика тоталитарного вождизма (Вебер-5). Однако вряд ли можно говорить об активной рецепции или успешном освоении трудов Вебера, посвященных политической проблематике, например демократизации Германии после Первой мировой войны. В целом Вебер как политический социолог безнадежно уступает в популярности таким мощным конкурентам, как его собственные амбициозные исследовательские программы в области социологии религии, теории науки или концепции рационализирующегося модерна, в том числе и по причине амбивалентных оценок его политических работ (1).

Ю. Каубе, автор популярной биографии Вебера, вышедшей на русском в 2016 году [9], в заключительной части книги под говорящим названием «Как рождается классика: благородный нигилист, его влияние и его проблемы» приводит остроумное высказывание известного социолога Н. Лумана, что все классики засаленные и закопченные: засаленные потому, что их часто трогают немытыми руками, а закопченные — от жертвенного дыма, которым их окуривают последователи и поклонники. В этом смысле Вебер — один из наиболее «затасканных» представителей социальных наук: мало о ком из социологических классиков написано столько, сколько о нем. Кажется, что уже исследована буквально каждая страница его работ, все его труды тщательно проработаны со всех сторон, и каждый аспект его жизни и творчества проанализирован со всевозможных точек зрения. Так, опубликованы работы о том, что Вебер думал о квакерах, кем были его прадеды, почему Голландия не играет практически никакой роли в «Протестантской этике», о его манере цитировать Шекспира, как он относился к Периклу, к Р.М. Рильке и к сионизму и т.д. [9. С. 565–566]. Однако, кажется, есть одна неисследованная лакуна — способы и даже стратегии борьбы с великим социальным теоретиком, который вызывал резкое неприятие вплоть до отторжения у поразительно большой части как социологов, так и публичных интеллектуалов и ученых из других областей научного знания, например, у историков, юристов, религиоведов и теологов (2).

А.Ф. Филиппов в статье о проблеме социологической классики [16. С. 51] приводит два красноречивых примера разгромной оценки трудов Вебера со стороны его именитых современников. Так, старший коллега и соратник Вебера Ф. Теннис в 1904 году, прочитав работу о кальвинизме и капитализме, отметил в своей записной книжке: «цепляется за внешнее» [35. S. 338]. Крупный социальный мыслитель О. Шпанн в 1923 году, уже после смерти Вебера, говорил, что тот намеревался соединить историю и систематику, но методологически был плохо подготовлен к такой работе [32. S. 22]. Не менее амбивалентна история взаимоотношений «основателя социологии» с другим выдающимся социальным ученым — Й. Шумпетером. В экспертном заключении для юридического факультета Венского университета, подготовленном в рамках процедуры замещения вакантной кафедры, Вебер настаивал на приглашении Шумпетера как выдающегося теоретика в области национальной экономики, требовал

включения молодого коллеги в список кандидатов под номером один, используя свой типичный аргумент, что тот был обойден по ненаучным соображениям [30. С. 165–166]. При этом Шумпетер был не просто оппонентом Вебера по многим вопросам, но и уничижительно высказывался о нем как об ученом, в своей «Истории экономического анализа» прямо отмечая «почти полную некомпетентность Вебера в экономической теории» [17. С. 1079].

Хотя академические позиции Вебера только усиливались на протяжении XX века, столь неуважительные высказывания крупных интеллектуалов указывают, что он долгое время не воспринимался многими современниками и даже ближним кругом коллег в качестве бесспорного классика. Более того, Вебер на протяжении более чем столетия остается одним из самых любимых объектов критики и разоблачений — «фигурой отмены», говоря языком актуальной леволиберальной «повестки». В этом смысле страстный полемист Вебер [11. С. 71–84], способный устроить склоку по любому незначительному поводу, при желании может считаться самым оспариваемым социальным мыслителем-классиком, возможно наряду с К. Марксом. Вековой спор о Вебере прошел несколько этапов и ренессансных волн, и параллельно с интересом к его наследию увеличивался и поток критики, причем регулярные атаки на Вебера ведутся сразу на несколько уровнях: персональном, дискурсивном и институциональном. Конечно, в реальной дискурсивной практике неизбежно происходит смешение полемических стратегий, их взаимное дополнение и аргументативное усиление, однако мы обратимся к эксплицитной критике Вебера представителями социальной мысли последнего столетия в рамках негативной повестки, выделив основные формы политико-интеллектуальной борьбы с классиком.

Ad hominem: переходя на личности

Нередко предпринимаются попытки поставить под сомнение, дискредитировать личность классика — его образ жизни, близкое и дальнее окружение и т.д. Основные усилия здесь направлены на то, чтобы обнаружить реальные или мнимые несоответствия между теорией и практикой в биографии, между заявленными принципами и фактическими интересами и выставить ученого циником, ханжой или моралистом (иногда все вместе). В качестве яркого примера можно привести резкие высказывания теолога и религиоведа Э. Трельча. Долгое время он был близким другом и единомышленником Вебера, с 1894 по 1915 годы занимая кафедру систематической теологии в Гейдельбергском университете. До резкого охлаждения их отношений в начале Первой мировой войны Трельч был рядом с Вебером в буквальном смысле слова: в 1904 году они вместе совершили многонедельное путешествие в Америку, с 1910 года были соседями, занимая квартиры на втором и третьем этажах виллы Фалленштайн, построенной дедом Вебера и ныне известной в Гейдельберге как Weber-Haus.

В период разрыва отношений, в 1917 году, Трельч говорил о Вебере в том духе, что, несмотря на огромную одаренность, его подлинным призванием была скорее практическая политика, нежели наука: «Но и в этой сфере его фигура очень проблематична, поскольку, с одной стороны, он релятивист без предельных принципов, а, с другой стороны, он морально непримирим, предпочитает давить на совет другим людям. Эта непримиримость сильнее всего обращена на его друзей и против господствующей системы, против всего, что является официальным и господствующим, выдавая себя борцом за справедливость в отношении непризнанных и угнетенных. Однако как только этот приступ гнева проходит, к Веберу немедленно возвращается предметная, релятивистская и очень умная оценка ситуации, с ироническим отношением как к собственным подзащитным, так и к своим противникам. Тогда он доминирующий человек власти, подчиняющий все национально-политическим целям и не разбирающий лиц слева и справа. При этом как само собой разумеющееся изображается его величайшая личная незаинтересованность и максимально приличное поведение. Однако в этом отношении я, как обжегшийся ребенок, предпочитаю беречься от огня» [3. S. 418]. По этой модели личного расколдовывания классика строятся многочисленные попытки опровержения веберовской социологии как некогерентной, непоследовательной и потому нерелевантной для научного применения.

Антивебериана в рамках академии

Второй тип критики направлен на идейно-теоретическое наследие Вебера — в целом или отдельные работы и даже идеи. Структурно такая борьба с Вебером может выглядеть как нормальный случай научной критики со стороны непримиримого сторонника альтернативных взглядов и подходов. Однако ведущим мотивом может оказаться не (с) только опровержение ложной веберовской эвристики ради утверждения истинной социально-теоретической систематики, сколько иная прагматика — научно-политическая, мировоззренческая или даже оппортунистическая (вроде личного профилирования за счет противостояния самому Веберу).

Пример непримиримой политико-теологической борьбы с «неправильной» социологией религии Вебера можно найти у Х. Йоаса: в работах последних лет он рассматривает сложные и часто запутанные взаимоотношения между научным изучением религии и религиозной верой как жизненным принципом. Например, в книге «Власть священного» (2017) Йоас продолжает полемическую линию, начатую в предшествующих трудах, выдвигая теоретическую альтернативу тезису Вебера об усиливающемся расколдовывании мира вследствие религиозной рационализации, начавшееся в эпоху Реформации [25]. Пытаясь опровергнуть веберовский тезис о рационализации как судьбе человечества, Йоас выдвигает альтернативную версию истории религии, прямо говоря о своей полемической готовности «взять быка

за рога» и эксплицитно противопоставляя свою позицию веберовской, давно содержательно выхолощенной, несмотря на формально канонический статус: «Хотя Макс Вебер возвысился до бесспорно великого классика социологии, по мере отхода этой дисциплины от истории возник разрыв между большим уважением и числом работ, которые следуют схожей программе. Этот разрыв невозможно преодолеть посредством тех многочисленных работ, что тесно примыкают к веберовским исследованиям, не учитывая давно изменившуюся ситуацию или же просто канонизируя утверждения» [25. S. 16–17].

Ставя под сомнение привычную генеалогию модерна, Йоас последовательно отрицает односторонний исторический процесс, настаивая на принципиальной открытости культурного развития человечества, оставляющего возможности и для реабилитации трансцендентного измерения. Некоторые оппоненты Йоаса, включая профессора Гейдельбергского университета Т. Швина, резко критически восприняли данный антивеберовский проект, отнеся его оптимизм в отношении будущего религии (прежде всего христианства) к сфере личных интересов верующего католика Йоаса, прямо ссылающегося на свои религиозные мотивы [33].

Другой неожиданный кейс «отмены» Вебера можно обнаружить в работе Р. Лахмана «Что такое историческая социология?», вышедшей на русском в 2016 году. В ней он мимоходом высказывается о классике так: «Вебер видел в феодализме некое “хроническое состояние”, неспособное трансформироваться за счет собственной внутренней динамики. В результате он с надеждой обратился к некоей внешней силе, а именно к протестантской Реформации, которая должна была нарушить сложившиеся социальные отношения и стать искрой для возникновения рационального действия и капитализма. При всей теоретической элегантности аргумент Вебера неверен с фактической точки зрения. Вебер и исторически невежественные социологи, воспринявшие его некритически, понятия не имеют, что критику средневекового католицизма, схожую с критикой Лютера и Кальвина предложили еще теологи предшествующих эпох» [12. С. 39–40].

Бросается в глаза содержательная схожесть аргумента Лахмана с одним из пунктов критики историка Ф. Рахфаля, опубликовавшего в 1909 году цикл из пяти статей под общим названием «Кальвинизм и протестантизм», посвященный критическому разбору веберовской «Хозяйственной этики». Ответная «Первая антикритика» Вебера вышла в 1910 году и показала, насколько глубоко его затронула критика Рахфаля — абсолютно несправедливая, на взгляд Вебера [4]. Она представляет интерес как образец научной полемики великого социолога с признанным специалистом по нидерландской революции, который своими нудными фактологическими экскурсами поставил под сомнение владение Вебером историческим материалом по кальвинистской Реформации. Но самое главное — Рахфаль критиковал идеально-типологический метод, в данном случае один из мотивов экономической деятельности (поиск религиозного спасения), в комбинации других, более

земных интересов вроде стремления к благополучию или заботы о семье. Отношения между полемистами достигли такого напряжения, что попытка «отмены» Вебера чуть не закончилась дуэлью двух известных ученых.

Вредная наука

И, наконец, под радикальное сомнение регулярно ставится дискурсивно-институциональное пространство веберовской социологии — как научно-дисциплинарно сомнительное, ненаучное или антинаучное, а чаще всего как идеологически вредное, политически неправильное и потому неприемлемое для академической практики. Превалируют здесь левые теоретики — от большевиков с В.И. Лениным и франкфуртских неомарксистов с М. Хоркхаймером и Г. Маркузе до нынешних носителей левoliberalального дискурса в западных университетских кампусах, «отменяющих» канонические фигуры всемирного научного пантеона по тем или иным причинам (они белые, мужчины и буржуа).

Кстати, ленинскую реплику о Вебере редко приводят целиком, хотя она имела катастрофические последствия для отечественного социального знания, практически исключив возможность нормальной рецепции веберовской социологии в нашей стране. Вот эта реплика в ленинском «Докладе о революции 1905 года», прочитанном на немецком языке 9 (22) января 1917 года в цюрихском Народном доме на собрании швейцарской рабочей молодежи: «Буржуазия любит называть московское восстание чем-то искусственным и насмеяться над ним. Например, в немецкой так называемой “научной” литературе господин профессор Макс Вебер в своей большой работе о политическом развитии России назвал московское восстание “путчем”. “Ленинская группа, — пишет этот “высокоученый” господин профессор, — и часть эсеров давно уже подготавливала это бессмысленное восстание”. Чтобы оценить по заслугам эту профессорскую мудрость трусливой буржуазии, достаточно только возобновить в памяти сухие цифры статистики стачек. ... Припомним нарастание революции, восстания крестьян и солдат, и мы тотчас же придем к убеждению: суждение буржуазной “науки” о декабрьском восстании не только нелепо, оно является словесной уверткой представителей трусливой буржуазии, которая видит в пролетариате своего опаснейшего классового врага» [13].

Немецкие марксисты полностью разделяли это разгромное мнение создателя первого в мире государства рабочих и крестьян. Можно сослаться на показательную попытку отмены Вебера социалистическими радикалами во время процедуры его приглашения на вакантную должность профессора национальной экономики Мюнхенского университета. Тогда Вебер столкнулся с резким политически мотивированным неприятием левых активистов, заседавших в Мюнхенском совете рабочих и солдатских депутатов 26 марта 1919 года, т.е. менее чем за две недели до провозглашения Баварской советской республики. Протокол заседания одного из комитетов зафиксировал

голоса выступавших товарищей, что сегодня представляет интерес как попытка социалистов перейти к прямой идеологической индоктринации учащейся молодежи посредством социальной науки, т.е. ровно то, с чем всю жизнь программно боролся Вебер. Примечательно, что некоторые участники этой странной дискуссии были известными левыми деятелями, (Э. Никиш (3) и Э. Толлер (4)), в последующем сыгравшими заметную роль в политической и интеллектуальной истории Германии.

Приведем пространную цитату из протокола, свидетельствующую о попытке политико-идеологической отмены выдающегося социального ученого: «Никиш: В здешнем университете на освободившееся после Brentano место ординарного профессора национальной экономики приглашен Макс Вебер из Гейдельберга. Эта дисциплина имеет огромное значение для будущего. Студенты этого факультета позже займут важнейшие хозяйственные должности и от их настроения зависит очень многое. Поэтому на эту ответственную должность должен быть назначен человек, который сумеет пропитать взгляды молодежи социалистическим духом. Brentano отравлял наше студенчество, и Макс Вебер находится в кругу буржуазно-капиталистических идей. Он враг идеи Советов и еще незадолго до революции выступал за монархию. Вебер уже согласился, но есть выход — сообщить общественности о протесте комитета. Насколько известно о веберовском характере, он после этого добровольно откажется ехать в Мюнхен. Мы уже составили такой протест (Зачитывает). Толлер подчеркивает враждебное отношение Вебера к Советам, но хочет добавить предложение: “несмотря на его научные заслуги”. Толлер: Речь идет об ординариате, который он не должен получить. Но то, что мы вообще не обсуждаем его как национал-эконома, опозорит нас. Хагемайстер: Не важно, что Вебер имеет мировую славу. Мы должны получить хотя бы и незначительного человека, лишь бы он прививал молодежи социалистические идеи» [28. S. 424].

Однако не только политические экстремисты пытались отменить не правильного профессора, но и крупные левые теоретики, включая входивших в веберовский круг. Например, Г. Лукач, тесно общавшийся с ним с 1912 по 1917 годы в Гейдельберге и часто бывавший гостем знаменитых воскресных приемов в доме Веберов (5), позже считал принцип партийности более важным, чем личная лояльность и научная добросовестность. В результате Вебер превратился для него в носителя буржуазной иррациональности, чей либеральный демократизм имел своим «социальным источником» концепцию глобальной политической (колониалистской) миссии господствующих народов [27. S. 61]. Лидер первого поколения Франкфуртской школы Хоркхаймер также отметил поразительными эпистемологическими открытиями в центральной для неомарксизма статье «Традиционная и критическая теория», подвергнув в ней Вебера остракизму как якобы представителя традиционного способа социального теоретизирования (ориентировавшегося на стан-

дарты научности в естествознании) [22]. Его единомышленник и соавтор Т. Адорно тоже отметился не менее странными утверждениями, совершенно необоснованно отнеся Вебера в своей «Негативной диалектике» к числу «позитивистски настроенных исследователей» [1. С. 150]. Общим моментом всех инвектив франкфуртцев в адрес Вебера была поспешная идеологизация его идейного наследия, попытка выставить его «всего лишь» крупнейшим представителем буржуазной социальной мысли.

Содержательные аспекты упорной борьбы неомарксистов с Вебером проанализированы в книге Ю.Н. Давыдова «Макс Вебер и современная теоретическая социология», где этому сюжету посвящены два раздела — «М. Вебер в зеркале неомарксистской критики (II половина 1930-х — 1940-е годы)» и «Споры вокруг Вебера в период второго общего кризиса теоретической социологии (1960-е — I половина 1970-х)». Симптоматичным для этого эпизода интеллектуальной истории XX стало то, как вооруженные марксистским принципом классовости левые мыслители вроде Маркузе настойчиво продолжали клеймить Вебера как теоретика буржуазного разума (формальной рациональности). Показательно скандальное выступление Маркузе на 15 конгрессе немецких социологов 1964 года в Гейдельберге, посвященном 100-летию веберовскому юбилею: в присутствии ведущих вебероведов со всего мира Маркузе попытался изобразить Вебера апологетом разнузданного капитализма. Столь нелепые утверждения вызвали резкую реакцию прежде всего американских коллег — Р. Бендикса и Б. Нельсона. Первый говорил об обвинениях Маркузе в адрес Вебера как о беспредметной, пустой утопии, негативной культурной критике и даже апокалиптике, а второй увидел в ней невероятно услужливый донос на подлинно критическое мышление со стороны «критической теории» [5].

Другим пунктом обвинения со стороны академических левых стали личные взаимоотношения и идейные пересечения Вебера с другим проблемным мыслителем XX века — К. Шмиттом. На том же социологическом конгрессе 1964 года крупнейшие «специалисты по Веберу» всерьез обсуждали связь пафоса харизматического лидерства, его политических воззрений и той интеллектуальной среды, где теоретически «готовился» нацистский вожизм. Результаты дискуссии были неутешительны — вопросов оказалось больше, чем ответов: стал ли Вебер интеллектуальным пророком национал-социализма поневоле (6), был ли он реформатором-стратегом или даже радикалом, выступающим в пользу «безусловно радикальной социальной демократизации» [2. С. 345], или же всю жизнь оставался национал-либералом «в пограничной ситуации». Вероятно, однозначное позиционирование Вебера на политическом поле вряд ли уместно, учитывая его «методическое» упрямство и глубокий скепсис по отношению к реальной политике и политикам после О. фон Бисмарка. Вебер не позволяет «присвоить» себя ни одному общественно-политическому течению, несмотря на то что он был одним из основателей либеральной партии DDP. Тем не менее, его представления о *Führerschaft*

и «плебисцитарной вождистской демократии» постоянно провоцируют вопрос (явно не без влияния исследования В. Моммзена «Макс Вебер и немецкая политика» [29]): как бы повел себя Вебер по отношению к Гитлеру и движению национал-социалистов.

Взаимодействие двух столь выдающихся ученых, как Вебер и Шмитт, представляет значительный интерес для истории идей и социологии интеллектуалов XX века. Этот кейс выходит за рамки мало продуктивных дискуссий леваков, был ли Шмитт «легитимным» учеником Вебера, как утверждал Ю.Хабермас на веберовском юбилее [21. S. 81], или просто «прилежным» учеником, как настаивал Моммзен [29. S. 407]. Кстати, нынешние наследники франкфуртских теоретиков в лице борцов за леволиберальную идеологическую повестку в западной академии также выводят Вебера «на чистую воду», развенчивая мифы вокруг него. В качестве примера приведем цитату об отце-основателе социологии как научной дисциплины, типичную для этого дискурса: «Макс Вебер был империалистом, расистом и социал-дарвинистским националистом, и эти политические позиции фундаментально определяли его социально-научные труды. Вебер не просто впитал в себя империализм, расизм и национализм своей эпохи: он постоянно оказывался одиноким голосом справа во многих организациях, к которым принадлежал, в том числе в Союзе социальной политики, Национально-социальной партии и даже Пангерманском союзе. Это политическое основание трудов Вебера затемнялось посредством выборочного чтения и переводов, что позволяло колонизировать и эксплуатировать его имя для оправдания либеральной научной и политической повестки» [6].

Примечательно, что автор процитированной статьи, впервые напечатанной в издании «Postcolonial Studies», — не академический маргинал, а почетный профессор Университета Джорджа Вашингтона. В этом же духе немецкий исследователь называет Вебера представителем расово-идеологически обоснованного империализма [31]. Уже возник массив аналогичных «разоблачительных» трудов, типичный образчик которых — сборник «Расизм и социология» [23]. Его открывает статья с программным названием «Расизм в белой социологии: от Адама Смита до Макса Вебера» [24], написанная академически респектабельным профессором Гамбургского университета. Примечательно, что на обложке издания помещено редкое фото Вебера, где он изображен сидящим на фоне индейского павильона, открытого в Сент-Луисе во время Олимпиады 1904 года в рамках «Антропологических дней».

Вместо послесловия

Критика Вебера столь же многогранна, как и его творчество. Удивительным образом даже личная жизнь классика имеет прямое отношение к попыткам его «отмены». Осенью 1893 года Вебер женился на Марианне Шнитгер — даме из семьи промышленников, одной из ключевых фигур женского движения

Германии. Впоследствии это обстоятельство часто приводило к серьезным заблуждениям относительно политических оценок как Вебера, так и его супруги. Как пишет Г. Рот в предисловии к биографии Вебера, написанной его женой, ничто так не разделяет большую часть предыдущего немецкого женского движения от сегодняшнего феминизма, как национализм 1914 года, поскольку тогда женское общественное движение не отождествлялось с левыми и тем более интернациональными взглядами. Сегодня же Вебер оказался серьезным теоретическим вызовом для феминистской социологии, пытающейся переопределить свое отношение не только к его идеям, но и к его поддержке тогдашнего феминизма. В этом смысле западным деконструкторам Вебера и других социологических классиков на поле расового, экологического, гендерного и прочих дискурсивных полей предстоит большая работа.

Однако борьба с «неправильным» классиком Вебером не является исключительным доменом европейских и американских левых. Время от времени и в России появляются работы, ставящие под сомнение веберовскую социологию как по идеологическим (7), так и по эвристическим [8] причинам. Мы не можем затрагивать эти кейсы, так как русская рецепция веберовского наследия нуждается в отдельном рассмотрении. Так, вызывает особый эпистемологический интерес антивеберовски настроенный вульгарный марксизм, представленный не только в академических сочинениях, но и среди популярных интернет-блогеров, и примечательный самой попыткой возрождения социально-теоретической перспективы, доминировавшей в нашей стране в 1930-е–1940-е годы. Поразительно наблюдать, как относительно молодые люди изъясняются в Интернет на языке вульгарного социологизма в духе школы М.Н. Покровского. Иногда в интернет-роликах можно обнаружить образцы поистине трогательной теоретической наивности. Стоит ли говорить, что с точки зрения эвристики социального сталинистский сегмент YouTube представляет собой своеобразную эпистемологическую машину времени, позволяющую оказаться в мире идеологических представлений столетней давности. С ее помощью люди в XXI веке могут игнорировать все достижения современного социального знания, оказываясь даже не в позднесоветском универсуме идей, а в дискурсивном пространстве ортодоксального сталинизма.

Безусловно, продолжающиеся уже больше века попытки отменить Вебера — как у нас, так и на Западе — это симптом кризиса и амбивалентности модерна как эпохи, безжалостным диагностом которой и выступал великий социолог.

Информация о финансировании

Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Большое пространство в постглобальную эпоху: империя и мировое общество как социологические феномены и темы дискурсивных формаций», реализуемого Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в 2024 году в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Примечания

- (1) См., напр., развернутую рецензию И.В. Троцук на прорывную работу К. Аллена о Вебере как теоретике империи [19], хотя Аллен весьма амбивалентно оценивает политическую позицию классика-империалиста [34].
- (2) Ср. с высказыванием известного немецкого вебероведа Ф. Тенбрука: «Даже теологическая литература по еврейским пророкам вряд ли озадачилась важными взглядами Вебера, игнорируя его “Хозяйственную этику мировых религий” точно так же, как и остальные культурно-исторические дисциплины» [14. С. 117].
- (3) В период Веймарской Германии радикальный социал-демократ Э. Никиш сблизился с представителями движения «консервативной революции» и стал ведущим идеологом национал-большевизма.
- (4) В апреле 1919 года Э. Толлер стал одним из руководителей Баварской советской республики. После ее падения, во время суда над ее лидерами Вебер фактически спас Толлера от казни, засвидетельствовав идеалистический характер его убеждений.
- (5) Марианна Вебер так вспоминала об этих контактах: «С противоположного полюса мировоззрения пришли несколько молодых философов из Восточной Европы, с которыми мы познакомилась в это время; прежде всего венгр Георг Лукач, с которым Вебер очень подружился» [3. С. 387].
- (6) Интерес в этой связи представляет исследование К. Клингемана «Социология в Третьем рейхе». Особенно примечательно эссе «Макс Вебер в имперской социологии 1933–1945 гг.»: несмотря на «несвоевременность» веберовского постулата о науке, свободной от ценностных суждений, Вебер, по мнению Клингемана, оставался авторитетом для нацистских социологов, причем не только университетских преподавателей, пытавшихся дистанцироваться от нацистского концепта науки, но и откровенных национал-социалистов и отдельных партийных вождей вроде Х. Франка [26].
- (7) Самая яркая в этом отношении — монография А.Б. Рахманова [15; см. также: 7].

Библиографический список

1. *Адорно Т.* Негативная диалектика. М., 2003.
2. *Вебер М.* Политические работы (1895–1919). М., 2003.
3. *Вебер М.* Жизнь и творчество Макса Вебера. М., 2007.
4. *Вебер М.* Первая антикритика на «Дух капитализма» // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 2.
5. *Давыдов Ю.Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология. М., 1998.
6. *Зиммерман Э.* Раса против революции в центральной и Восточной Европе: от Гегеля до Вебера, от крестьянских восстаний до «полонизации» // *Ab Imperio*. 2014. № 1.
7. *Ионин Л.Г., Ожиганов Э.Н.* Макс Вебер как повод: курьезы «социальной философии» // Социологический журнал. 2012. № 2.
8. *Капелюшников Р.И.* Гипноз Вебера. Заметки о «Протестантской этике и духе капитализма» // Экономическая социология. 2018. Т. 19. №№ 3–4.
9. *Каубе Ю.* Макс Вебер. На рубеже двух эпох. М., 2016.
10. *Кильдюшов О.В.* По следам наших выступлений, или несколько замечаний по поводу одной «странной» дискуссии // *Логос*. 2007. № 1.
11. *Кильдюшов О.В.* Между этосом научности и полицией нравов: Макс Вебер как полемист // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 2.
12. *Лахман Р.* Что такое историческая социология? М., 2016.
13. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 30.
14. *Тенбрук Ф.* Главный труд Макса Вебера // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2.
15. *Рахманов А.Б.* Социальная философия Макса Вебера: метаморфозы и кризисы. М., 2012.
16. *Филитов А.Ф.* Понятие и проблема социологической классики. Георг Зиммель как классик социологии // *Классика и классики в социальном и гуманитарном знании*. М., 2009.

17. Шумпетер Й.А. История экономического анализа. Т. 3. СПб., 2001.
18. Ясперс К. Речь памяти Макса Вебера // Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994.
19. Allen K. Weber: Sociologist of the Empire. L., 2017.
20. Breuer S. Max Weber in seiner Zeit // Politik, Ökonomie und Religion 1890–1920. Wiesbaden, 2022.
21. Habermas J. Diskussionsbeitrag // Stammer O. (Hrsg.). Max Weber und die Soziologie heute. Verhandlungen des 15. Deutschen Soziologentages. Tübingen, 1965.
22. Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie: Vier Aufsätze. Frankfurt am Main, 1968.
23. Hund W.D., Lentin A. (Eds.). Racism and Sociology. Münster, 2014.
24. Hund W.D. Racism in white sociology. From Adam Smith to Max Weber // Hund W.D., Lentin A. (Eds.). Racism and Sociology. Münster, 2014.
25. Joas H. Die Macht des Heiligen. Eine Alternative zur Geschichte von der Entzauberung. Berlin, 2019.
26. Klingemann C. Max Weber in der Reichssoziologie 1933–1945 // Klingemann C. Soziologie im Dritten Reich. Baden-Baden, 1996.
27. Lukács G. Die Zerstörung der Vernunft, III: Irrationalismus und Soziologie. Darmstadt, 1974.
28. Max Weber-Gesamtausgabe. II/10.
29. Mommsen W.J. Max Weber und die deutsche Politik 1890–1920. Tübingen, 1959.
30. Schluchter W. Mit Max Weber. Tübingen, 2020.
31. Schöllgen G. Das Zeitalter des Imperialismus. Fünfte, erweiterte Auflage. München, 2014.
32. Spann O. Gesellschaftslehre. Zweite, neubearbeitete Auflage. Leipzig, 1923.
33. Schwinn Th. „Die Macht des Heiligen“ als eine Alternative zur Entzauberung? Zu Hans Joas’Religionstheorie // Berliner Journal für Soziologie. 2019. Vol. 29.
34. Trotsuk I. Too many Webers for small sociology; or, how critically sociologists should consider their canon // Russian Sociological Review. 2019. Vol. 18. No. 2.
35. Zander J. Pole der Soziologie: Ferdinand Tönnies und Max Weber // S. Papcke (Hrsg.). Ordnung und Theorie. Beiträge zur Geschichte der Soziologie in Deutschland. Darmstadt, 1986.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-293-307

EDN: NYXCWB

Canceling Weber: Strategies of struggle with the classic a century ago and today*

O.V. Kildyushov

National Research University Higher School of Economics,
Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: kildyushov@mail.ru)

Abstract. The article considers a little-researched topic — fundamentally contested classics: when canonical figures in the history of social thought are regularly placed at the center of intense discursive struggles that go beyond the boundaries of normal scientific criticism. First, the author mentions the ambivalent reception of M. Weber’s heritage as a basic element of the

*© O.V. Kildyushov, 2024

The article was submitted on 04.02.2024. The article was accepted on 13.05.2024.

sociological canon due to its extremely fragmentary nature even within the positive perception of his ideas. Further, the article schematically reconstructs the long tradition of intellectual struggle with Weber personally and his ideas. The author believes that there is a gap in global Weber studies, which is anti-Weberianism as a significant intellectual and cultural practice that has not yet been explicitly reflected, and proposes an analytical scheme for systematizing permanent attacks on Weber at different levels (personal, discursive and institutional). The first critical strategy focuses on Weber's personality, emphasizing the incoherence of his scientific-theoretical views and way of life. The second type of criticism focuses on Weber's ideas, trying, under the guise of academic polemics, to refute the main provisions of Weber's sociology as untenable for productive work within the current sociological research (as a rule, the leading motives of such a strategy lie outside scientific discussions). The third anti-Weber strategy is openly political/ideological in nature and aims not so much at exposing the scientific fallacy of his theses as at their ideological condemnation, formal ban or "cancellation" as harmful and dangerous for the goals of particular social movements. In conclusion, the author mentions some attempts to "cancel" Weber in Russia — both within the academy and by ideologically biased publicists and bloggers.

Key words: classical sociology; Max Weber; history of ideas; history of reception; Weberian studies; struggle for recognition; cancel culture; leftist intellectuals

Funding

The publication was prepared within the research project of the Center for Fundamental Sociology of the National Research University — Higher School of Economics "Large space in the post-global era: Empire and world society as sociological phenomena and themes of discursive formations" as a part of the Basic Research Program of the HSE in 2022.

References

1. Adorno Th. *Negativnaya dialektika* [Negative Dialectics]. Moscow; 2003. (In Russ.).
2. Weber M. *Politicheskie raboty (1895–1919)* [Political Works (1895–1919)]. Moscow; 2003. (In Russ.).
3. Weber M. *Zhizn i tvorchestvo Maxa Webera* [The Life and Work of Max Weber]. Moscow; 2007. (In Russ.).
4. Weber M. Pervaya antikritika na "Duh kapitalizma" [The first anti-criticism on the *Spirit of Capitalism*]. *Russian Sociological Review*. 2023; 22 (2). (In Russ.).
5. Davydov Yu.N. *Max Weber i sovremennaya teoreticheskaya sotsiologiya* [Max Weber and Contemporary Theoretical Sociology]. Moscow; 1998. (In Russ.).
6. Zimmerman A. Rasa protiv revolyutsii v Tsentralnoj i Vostochnoj Evrope: ot Hegelya do Webera, ot krestiyanskih vosstanij do "polonizatsii" [Race against revolution in Central and Eastern Europe: From Hegel to Weber, from rural insurgency to 'polonization']. *Ab Imperio*. 2014; 1 (In Russ.).
7. Ionin L.G., Ozhiganov E.N. Max Weber kak povod: kuriezy "sotsialnoj filosofii" [Max Weber as a reason: Curiosities of "social philosophy"]. *Sotsiologicheskij Zhurnal*. 2012; 2. (In Russ.).
8. Kapelyushnikov R.I. Gipnoz Webera. Zametki o "Protestantskoj etike i duhe kapitalizma" [Weber's hypnosis. Notes on *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*]. *Economic Sociology*. 2018; 19 (3–4). (In Russ.).
9. Kaube J. *Max Weber. Na rubezhe dvuh epoh* [Max Weber at the Turn of the Millennium]. Moscow; 2016. (In Russ.).
10. Kildyushov O.V. Po sledam nashih vystupenij, ili neskolko zamechanij po povodu odnoj "strannoj" diskussii [Following our presentations, or a few comments about one "strange" discussion]. *Logos*. 2007; 1. (In Russ.).
11. Kildyushov O.V. Mezhdru etosom nauchnosti i politsej pravov: Max Weber kak polemist [Between the ethos of science and the morality police: Max Weber as a polemicist]. *Russian Sociological Review*. 2023; 22 (2). (In Russ.).

12. Lachmann R. *Что takoe istoricheskaya sotsiologiya?* [What is Historical Sociology?]. Moscow; 2016. (In Russ.).
13. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 30. (In Russ.).
14. Tenbruck F. Glavny trud Maxa Webera [Max Weber's main work]. *Russian Sociological Review*. 2020; 19 (2). (In Russ.).
15. Rakhmanov A.B. *Sotsialnaya filosofiya Maxa Webera: metamorfozy i krizisy* [Max Weber's Social Philosophy: Metamorphoses and Crises]. Moscow; 2012. (In Russ.).
16. Filippov A.F. Ponyatie i problema sotsiologicheskoy klassiki. Georg Simmel kak klassik sotsiologii [The concept and problem of sociological classics. Georg Simmel as a classic of sociology]. *Klassika i klassiki v sotsialnom i gumanitarnom znanii*. Moscow; 2009. (In Russ.).
17. Schumpeter J. *Istoriya ekonomicheskogo analiza* [History of Economic Analysis]. Vol. 3. Saint Petersburg; 2001. (In Russ.).
18. Jaspers K. Rech pamyati Maxa Webera [Speech in memory of Max Weber]. Weber M. *Izbrannoe. Obraz obshchestva*. Moscow; 1994. (In Russ.).
19. Allen K. *Weber: Sociologist of the Empire*. London; 2017.
20. Breuer S. *Max Weber in seiner Zeit. Politik, Ökonomie und Religion 1890–1920*. Wiesbaden; 2022.
21. Habermas J. Diskussionsbeitrag. Stammer O. (Hrsg.). *Max Weber und die Soziologie heute. Verhandlungen des 15. Deutschen Soziologentages*. Tübingen; 1965.
22. Horkheimer M. *Traditionelle und kritische Theorie: Vier Aufsätze*. Frankfurt am Main; 1968.
23. Hund W.D., Lentin A. (Eds.). *Racism and Sociology*. Münster; 2014.
24. Hund W.D. Racism in white sociology. From Adam Smith to Max Weber. Hund W.D., Lentin A. (Eds.). *Racism and Sociology*. Münster; 2014.
25. Joas H. *Die Macht des Heiligen. Eine Alternative zur Geschichte von der Entzauberung*. Berlin; 2019.
26. Klingemann C. Max Weber in der Reichssoziologie 1933–1945. Klingemann C. *Soziologie im Dritten Reich*. Baden-Baden; 1996.
27. Lukács G. *Die Zerstörung der Vernunft, III: Irrationalismus und Soziologie*. Darmstadt; 1974.
28. Max Weber-Gesamtausgabe. II/10.
29. Mommsen W.J. *Max Weber und die deutsche Politik 1890–1920*. Tübingen; 1959.
30. Schluchter W. *Mit Max Weber*. Tübingen; 2020.
31. Schöllgen G. *Das Zeitalter des Imperialismus*. Fünfte, erweiterte Auflage. München; 2014.
32. Spann O. *Gesellschaftslehre*. Zweite, neubearbeitete Auflage. Leipzig; 1923.
33. Schwinn Th. „Die Macht des Heiligen“ als eine Alternative zur Entzauberung? Zu Hans Joas' Religionstheorie. *Berliner Journal für Soziologie*. 2019; 29.
34. Trotsuk I. Too many Webers for small sociology; or, how critically sociologists should consider their canon. *Russian Sociological Review*. 2019; 18 (2).
35. Zander J. Pole der Soziologie: Ferdinand Tönnies und Max Weber. S. Papecke (Hrsg.). *Ordnung und Theorie. Beiträge zur Geschichte der Soziologie in Deutschland*. Darmstadt; 1986.